

ИЗ НЕИЗДАННЫХ МАТЕРИАЛОВ О ЛОМОНОСОВЕ

Е. Я. Данько

Собирая материал по истории фарфорового завода в XVIII в., я нашла в бумагах изобретателя русского фарфора Д. И. Виноградова неизданную студенческую рукопись М. В. Ломоносова. Рукопись содержит в себе выписки из статей Готшеда и неопубликованный до сих пор перевод оды Анакреона «К лире», сделанный Ломоносовым около 1738 г. При изучении этого документа мне пришлось обнаружить неисследованные литературные источники «Письма о правилах российского стихотворства». Найденная рукопись и «Письмо» свидетельствуют о том, что, создавая свою теорию русского стихосложения, молодой Ломоносов хорошо изучил опыт западноевропейской науки, выводы которой он использовал самостоятельно.

1. НЕИЗДАННАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ М. В. ЛОМОНОСОВА, 1738 г.

После смерти Дмитрия Ивановича Виноградова¹ в 1758 г. все его личные бумаги были опечатаны и взяты в архив, ради того, чтобы секрет фарфора не попал в чужие руки. Теперь эти бумаги хранятся в деле № 6, по разр. XVII Государственного архива.

Дело № 6 представляет собой толстую пачку документов в количестве около 900 листов, перенумерованных, но неподшитых и сложенных вместе без всякой системы. Пачка завернута в синюю бумагу и перевязана бичевкой. Дело № 6 содержит в себе: студенческие рукописи Виноградова, письма его друзей, рецепты фарфоровых масс, глазурей и красок, записи работ на «порцелиновой мануфактуре» и другие документы. Все это даст ценный материал для биографии изобретателя и для освещения первых шагов русского фарфорового производства.

Среди студенческих бумаг Виноградова находятся его рукописные учебники и сочинения по химии и металлургии: «Пробирер-

¹ Д. И. Виноградов (р. в 1720 г.) был послан вместе с Ломоносовым в Германию для обучения металлургии (1736). Вернувшись в Россию в 1744 г., он был определен на вновь заведенную в Петербурге «порцелинную мануфактуру». Путем бесчисленных проб и научно-поставленных опытов он добился открытия нужного состава фарфоровых масс из русских глины (1752) и положил начало русскому фарфоровому производству.

ная наука», «Основательная плавильная наука», «Гениелианская минералогия, с немецкого подлинника на российский язык переведенная от Дмитрея Виноградова», «Catalogus von verschiedenen Erzten, 1741», «Observationen bey Durchgehung des Stufen — Kabinet des Herrn Berggrath Henkel», рукописи: «Von Gebirgen», «Von Erzten», «Von Bergarbeiten» и др.

Исследуя тетрадь «Пробирерная наука», я обнаружила в ней 2 странички с заметками о поэзии на немецком языке и 7 страничек, содержащих греческий список оды Анакреона «К лире» и переводы этой оды на 6 языков, в том числе и на русский.

Эти записи сделаны другим почерком, нежели рукопись «Пробирерная наука». Сличение почерка записей с автографами М. В. Ломоносова доказало с полной несомненностью, что они внесены в тетрадь его рукой.

Заметки о поэзии на немецком языке и переводы оды «К лире» на западные языки выписаны из статей Готштеда, помещенных в его журнале «Beiträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit» за 1733 г.¹

Русский перевод оды «К лире» принадлежит Ломоносову. Он является самым ранним из дошедших до нас ямбических опытов поэта. Находка этого документа имеет серьезное историко-литературное значение.²

В том, что рукопись «Пробирерная наука» принадлежит Д. И. Виноградову, сомнений нет. Она во всем сходна с другой рукописью: «Гениелианская минералогия, с немецкого подлинника на российский язык переведенная от Дмитрея Виноградова», написана тем же почерком и украшена таким же титулом.

Как попал стихотворный опыт Ломоносова в учебную тетрадь Виноградова?

Можно предположить, что литературные записи были внесены в эту тетрадь раньше, чем рукопись «Пробирерная наука». Они находятся в конце толстой тетради, «вверх ногами» по отношению к основной рукописи. Возможно, что Виноградов не знал об их существовании, когда вписывал в тетрадь свою «Пробирерную науку» с другого конца. Дойдя до переводов оды «К лире», он, естественно перевернул тетрадь, чтобы их прочесть. Миновал переводы, он заполнил своими записями свободные поля под заметками о поэзии и две последние страницы тетради. На этих листах отрывки из

¹ Историко-литературный и критический журнал Готштеда с 1732 по 1744 г. «Материалы по критической истории немецкого языка, поэзии и красноречия».

² В примечаниях к книге Вольфа «Имп. фарфоровый завод» (1906) на стр. 383 есть указание на переводы оды «К лире», находящиеся в бумагах изобретателя фарфора, причем русский перевод приписан Виноградову. Между тем детальное обследование виноградовского архива не обнаружило в нем ни самостоятельных стихотворных опытов, ни каких-либо следов систематического изучения литературы. Виноградов не был стихотворцем. Ямбический перевод оды «К лире» в 1738—1739 гг. мог быть написан только Ломоносовым.

«Пробирерной науки» вписаны также «вверх ногами», по отношению к основной рукописи.

Греческий список оды «К лире» и переводы этой оды помечены в рукописи цифрами от 1 до 9. Л. Б. Модзалевский указал мне на тот интересный факт, что эти цифры проставлены рукой Виноградова, а не Ломоносова. Как видно, Виноградов, обнаружив в своей тетради переводы Анакреоновой оды, отнесся к ним с должным вниманием и перенумеровал их, чтобы не утратить их порядка среди разрозненных отрывков своей путаной рукописи.

Постараемся приблизительно датировать рукопись «Пробирерная наука». Студенты прибыли в Фрейберг из Марбурга в конце июля 1739 г.¹ и сразу же приступили к изучению пробирерной науки — самой начальной дисциплины металлургической химии. В декабре того же года Генкель сообщил Академии, что он уплатил пробиреру за обучение студентов,² причем гонорар (150 т.) был выдан пробиреру сполна.³ В счете расходов Ломоносова за апрель 1740 г. Генкель указал, что 4 гр. 6 ден. были истрачены им на покушку «книги о пробирерном искусстве с переплетом».⁴ Ломоносов, уйдя из Фрейберга в мае 1740 г., писал Шумахеру, что он прошел у Генкеля курс пробирерной науки.⁵ Это же подтвердил и Генкель.⁶ Можно предположить, что Виноградов перевел учебник «Пробирерная наука» на русский язык приблизительно в то время, когда Ломоносов купил этот учебник, т. е. весной 1740 г., после того как практический курс пробирерной науки был уже пройден студентами или же несколько позже, осенью 1740 г., когда Райзер и Виноградов, по словам Генкеля, должны были повторять пройденное.⁷

Живя в Фрейберге, студенты получали лишь по талеру в месяц на бумагу, на пудру, на мыло и на прочие мелкие расходы.⁸ Виноградов, искупавший свои прежние проказы прилежной перепиской лекций и переводами немецких учебников, несомненно, нуждался в бумаге. Студенты жили дружно и помогали друг другу в это трудное время. Виноградов мог попросить у Ломоносова тетрадь, в которой было много свободных листов или, что наиболее вероятно, он нашел эту тетрадь среди вещей, оставленных Ломоносовым при уходе из Фрейберга. Ломоносов, повидимому, ушел из Фрейберга налегке, взяв с собой лишь те вещи, которые могли пригодиться ему в скитаниях, например пробирерные весы с гирьками, одолженные ему Генкелем.⁹ Генкель, вероятно не без оснований,

¹ А. Куник. Сборник матерьялов по истории Наук, 1865 г. стр. 156. Письмо Райзера к бар. Корфу от 27 июля 1739 г.

² Там же, стр. 166. Письмо Генкеля к барону Корфу от 24 декабря 1739 г.

³ Там же, стр. 178. Счет, представленный Генкелем от 31 X 1739 г.

⁴ Там же, стр. 350. Счет Генкеля от 5 VIII 1741 г.

⁵ Там же, стр. 179. Письмо Ломоносова к Шумахеру от 16 XI 1740 г.

⁶ Там же, стр. 176. Письмо Генкеля в Академию Наук от 23 IX 1740 г.

⁷ Там же, стр. 170. Письмо Генкеля в Академию Наук от 20 VI 1740 г.

⁸ Там же, стр. 165. Приказ академической канцелярии от 13 VI 1739 г.

⁹ Там же, стр. 173. Письмо Генкеля от 20 VI 1740 г.

полагал, что Ломоносов попытается зарабатывать на жизнь пробирерным и маркшейдерским делом или преподаванием механики.¹

О том, что вещи Ломоносова находились у Виноградова, мы узнаем из письма Ломоносова от 15 апреля 1741 г. из Мэрбурга, в котором он просит Виноградова переслать ему оставленные в Фрейберге книги: «Nicolai Causini Rhetoricam», «Petri Petraci Historiam von Russland» и «Günther»²

Вероятно, Виноградов перевел «Пробирерную науку» после ухода Ломоносова из Фрейберга, т. е. летом или осенью 1740 г.

Судить о том, когда были внесены в тетрадь литературные записи, можно лишь после детального ознакомления с этим документом.

* * *

Рукопись «Пробирерная наука» представляет собой перевод немецкого учебника. Тетрадь, в четверку листа, состоит из 90 нешитых, но сложенных вместе листков, перенумерованных в деле № 6 цифрами от 531 до 620. На обложке тетради поставлен титул:

ПРОБИРЕРНАЯ НАУКА
въ двухъ частяхъ состоящая
отъ которыхъ первая

ТЕОРИЮ
а другая

ПРАКТИКУ

Изъ истинной рудокопныхъ вѣщей природы доказанная, и несумѣнною, съ превеликимъ прилѣжаніемъ учиненныхъ экспериментовъ, вѣрою подтвержденная, натуральнымъ расположениемъ и самымъ на яснѣйшимъ наученіемъ предлагаетъ

Часть первая
ТЕОРИЧНАЯ.

Первая половина рукописи (л. 531—579) переписана набело. Остальная часть — испещрена пометками, пометками и приписками. В этой черновой части на третьей с конца странице т. е. на обороте 619-го листа, находится надпись, сделанная рукой Ломоносова.

Beyträge
zur
Critischen Gistorie
der
Deutschen Sprache Poesie
und Beredsamkeit
Fünftes Stück.³

¹ Там же, стр. 331. Письмо Генкеля от 23 IX 1740 г.

² Письмо Ломоносова к Виноградову опубликовано Пекарским в «Ученых записках Академии Наук», 1867, т. X, стр. 186—187.

³ Заголовок журнала Готшеда. Выпуск 5 вышел в 1733 г. Титул журнала напечатан узорным готическим шрифтом. Букву «H» легко принять за «G», чем и объясняется ошибка в рукописи в слове «Gistorie».

Под этим заголовком, вписаны рукой Виноградова § 459 и 460 из «Пробирерной науки».

Далее на обороте 618 листа следует запись:

«Cicero bekennet selbst an seinen vertrauten Atticus, dass er eine geraume Zeit nicht verstanden was (зачеркн.) inhihere remos heisse. Cic. Ep. Lib. 8. Ep. 21».¹ L i n g v a

«Nachdem der (зачеркн.) Tyrtamus aus der Insel Lesbos sich 20 jahr in Athen aufgehalten und seiner Wohlredenheit halber den Zunahmen Theophrastus der Göttlichredende bekommen dennoch von einem alten Weibe auf dem Markte an etlichen falsch ausgesprochenen Sylben für einen Ausländer erkannt worden. Quintil. Instit. Orat. Lib. 8, c 1».² L i n g v a

«Auctores praeteriti saeculi (зачеркн.) in titulo fere prefacionem integram praponebant».³ T i t u l u s

«Homero rithmi placuisse probat quia versum hunc in Iliado sua. B. v. 484, λ. v. 218 Ξ v. 508. π. 112» «Εσπετε ουν μοι Μουσα Ολυμπια δομαζι έχουσα».⁴ R i t h m y

¹ Выписка из статьи Готшета: «Von den gleichgültigen Wörtern (Synonymis) in der deutschen Sprache» (Beiträge, Bd. II, S. 21):

«Цицерон признается сам своему верному Атикку, что он долгое время не знал, что значит inhihere remos (удерживать весла). На полях — «Язык». Циц. Посл. Кн. 8. Посл. 21.

Готшед дает другую ссылку на Цицерона, а именно: Lib. XIII, Epist. XXI ad Atticum. В предыдущих строках Готшед предупреждает, что нельзя хвалиться знанием языка, не зная многообразных, прямых и переносных значений каждого слова.

² Сокращенная выписка из той же статьи (Beiträge, Bd. II, S. 23): «После того, как Тиртамус, уроженец Лесбоса, пробыл 20 лет в Афинах, и благодаря своему красноречию получил прозвище — Теофрастус, божественно говорящий, он, все же, по нескольким неверно произнесенным слогам был опознан одной старухой на рынке как чужестранец, Квинтил. Краснореч., кн. 8, гл. I» (на полях — «Язык»).

Готшед советует изучать родной язык, так как никому не дано в совершенстве овладеть чужим языком, примером чего служит Тиртамус.

³ Авторы предыдущего века помещали в титуле целое предисловие (на полях — «Титул»)

Эта фраза, повидимому, является замечанием Ломоносова по поводу рассуждения Готшета о кратких и витиеватых титулах в статье «Praschens gründliche Anzeige von Verbesserung der deutschen Poesie» (Beiträge, Bd. II, S. 131—132).

⁴ «Музы, имеющие дом на Олимпе, воспойте. . .» Готшед приводит этот, не раз повторенный в «Илиаде» стих, как пример того, что древние поэты не всегда чуждались рифм» (Praschens gründl. Anzeige, там же, стр. 137). Фраза «Homero rithmi placuisse probat quia versum hunc in Iliado sua» является замечанием самого Ломоносова.

На листе 618 запись продолжается:

r i t h m y «Die Männliche Reime sind Pfeile und Donnerschläge»¹
R i t h m y Die Reimlosen Verse können nirgends besser als in
 Übersetzungen der Alten Poeten angewendet werden.²
 etiam in recitandis tragicis».³

p o d e s «Das Sylbenmass hat doch allerdings was musicalisches
 in sich, und ergetzet durch seine tactmässig hinter-
 einander folgende Tone das Ohr auf eine s⁴ ange-
 nehme Weise, dass selbst der Verstand davon lebhafter
 gerühret wird».⁵

На обороте листа 617 находится список оды «К лире» на грече-
 ском языке (воспроизводим текст точно по рукописи).⁶

¹ Р и ф м а. Мужские рифмы — это стрелы и удары грома.

В статье «Praschens gründliche Anzeige von Verbesserung der deutschen Poesie» Готшед излагает взгляды Праща на преимущества мужских рифм над женскими: «Die männlichen Reime sind an sich selbst vollkommener und richtiger als die weiblichen; und da in der deutschen Sprache die Bequemlichkeit und die Menge der einsylbigen sonderlich der Stammwörter darzu kommt, daran dieselbe so ungemein reich ist, so gehen denn auch durch eine nothwendige Wirkung die männlichen Reime ein wie Pfeile und Donnerschläge» (Beiträge, Bd. II, S. 140).

«Мужские рифмы сами по себе совершеннее и правильнее, чем женские; и так как в немецком языке существует множество односложных, коренных слов, которыми этот язык необычайно богат, то по необходимости употребляются (в поэзии) мужские рифмы, действующие как стрелы или удары грома».

² Р и ф м ы. Белые стихи лучше всего употреблять в переводах древних поэтов. То же самое относительно переводов трагиков (Beiträge, Bd. II, S. 152).

³ Фраза: «etiam in recitandis tragicis» — примечание Ломоносова. Оно согласуется со взглядами Готшета на переводы трагедии белыми стихами. (См. «Versuch einer critischen Dichtkunst», 1742, S. 403).

⁴ В тексте Готшета «sehr».

⁵ С т о п ы. Стиховой размер во всяком случае имеет в себе нечто музыкальное и восхищает своими размеренно следующими друг за другом тонами наше ухо, так что сам разум бывает этим живее тронут.

Выписка из статьи «Versuch einer Uebersetzung Anacreons» (Beiträge, Bd. II, S. 153). Готшед одобряет прозаические переводы Анакреона, сделанные г-жей Дасье, Террасоном, де Кутюр и самим Дасье, но отмечает, что из-за отсутствия размера эти переводы лишены благозвучия древней поэзии.

В счете книг, купленных Ломоносовым в Марбурге, значится: «Les poésies d'Anacreon et de Sapho, Amst., 1716». Это — переводы г-жи Дасье.

⁶ Переводы оды «К лире» выписаны из статьи Готшета «Versuch einer Uebersetzung Anacreons» (Beiträge. Bd. II, S. 152). Готшед приводит их в ином порядке: вначале он дает свои переводы I, II и III од Анакреона (стр. 160—161) на немецкий язык, затем следует ода «К лире» на греческом языке (стр. 162), далее — латинский перевод этой оды Паули Стефани (стр. 163), французский — Лафосса (стр. 163), английский — Коули (стр. 164—165), французский — Лонжепьера и итальянский, изданный Аржелати (стр. 166—167). Латинский перевод Эльгарда Лубина, стоящий в рукописи Ломоносова на 2-м месте, Готшед поместил отдельно (в 6 вып. «Beiträge», стр. 364), как присланный в редакцию позже, с примечанием, что этот перевод издан в 1597 г. и что в нем сохранены размер и число стихов подлинника. Там же помещены переводы II и III од Анакреона, сделанные Лубином.

ΕΙΣ ΛΥΡΑΝ

1.

«Θελω λεγειν Ατρειδης,
 Θελω δε Καδμουν αδειν.
 Α Βαρβιτος δε χορδαις
 Ερωτα μουνον ηχει.
 Ημειψα νευρα πρωην,
 Και την λυρην απασαν.
 Καγω μεν ηδον αδλους
 Ηρακλεους, λυρη δε
 Ερωτας αντεφονει
 Χαιροιτε λοιπον ημιν
 Ηρωες' η λυρη γαρ
 Μονς ερωτας αδει.»

de Lyra

2.

«Volo sonare Atridas,	Interpretatus
Volo sonare Cadmum.	Eilhardius
Sed barbatus mihi unum	Lubinus. ¹
Nervis refert amorem.	
Immuto fila nuper,	
Testudinemque totam;	
Et Herculis labores (jam canto — <i>зачеркнуто</i>)	
Jam canto: sed lyra ista	
Contra sonat mi amores.	
Heroes ergo (nobis — <i>зачеркн.</i>) posthac	
Nobis valete: solos	
Lyra haec refert amores».	

Л. 617.

3. in Lyram²

Traductio	«Cantare Atridas geminos et fortia Cadmi
Pauli Stephani,	Faeta velim: cytharae ³ sed placet ung ⁴ amor
	Nempe aliam sumpsi ⁵ nuper chordasque novavi ⁶
	Herculis aggressus, fortia faeta sui.
	Impatiens contra teneros lyra cantat amores.
	Vobis Atridae dicimy ⁷ ergo vale!
	Et vos Heroum cum Cadmo turba valetel
	Scilicet est unus, quem lyra pulset amor.

¹ Эльгард Лубин или Лубинус (1565—1621) — немецкий теолог и профессор поэтики.

² Цитируя этот перевод, Готшед упрекает переводчика в том, что он отступил от размера подлинника и употребил слова, которых нет в греческом тексте: fortia, impatiens, etc.

³ У Готшеда — citharae.

⁴ unus.

⁵ sumpsi.

⁶ nouavi.

⁷ dicimus.

4. Traduite par M. Fossé.¹

De Cadmus et des Fils d'Atrée
 En vain je veux chanter les Noms
 Ma Lyre aux amours consacrée
 Ne me rend que d'amoureux sons».
 «L'autre jour de cordes nouvelles
 Je venois de la remonter
 Et je m'efforçois de chanter
 Les entreprises immortelles
 Qu' Hercule sçut executer.
 Je cherchois des tons dignes d'elles.
 Mais en depit de mes efforts,
 Sous mes doigts les cordes rebelles
 Resonnoient d'amoureux accord.²
 Hercule, Cadmus, Fils d'Atrée,
 Adieu donc, adieu pour toujours!
 Ma Lyre aux amours consacrée
 Ne peut chanter que les amours».

Л. 616 оборот.

par M. de Longepierre.³

«Je voudrois bien⁴ les fiers Enfans d'Atrée
 Ou des jours de Cadmus⁵ deplorable cours:
 Mais ma lyre au bésoin contre moi declarée,
 Ne resonance que les Amours».

Л. 616.

«Je changeois d'autre⁶ jour de cordes et de lyre
 Et deja je chantois Hercule et ses exploits:
 Elle de son côté, peu d'accord de ma voix⁶
 Ne souspiroit⁶ que d'Amour⁶ et les feux qu'il inspire.
 Adieu donc Heros pour toujours.
 Ma lyre ne seroit⁶ chanter que les amours».

6.

«Nella Edizione del sign. Argelati.⁷
 Degli Atridi io canterei

¹ В статье Готшеда и в рукописи Ломоносова переводчик назван М. Fossé. Это — Антуан де Лафосс, французский поэт (1653—1708), выпустивший в печать переводы Анакреона в 1704 г. Готшед отмечает, что в этом переводе каждая строка на 1—2 слога длиннее строк подлинника и общее число строк 17 вместо — 12. В погоне за рифмами переводчик присочинил 3 строки, чуждые греческому тексту. 12
5

² У Готшеда «accords».

³ Илар де Лонжепьер, франц. поэт (1659—1721), выпустивший переводы Анакреона и Сафо в 1684 г.

Готшед полагает, что Анакреон не узнал бы своей оды в этом переводе, так как переводчик присочинил целые фразы, которых нет в подлиннике, напр. «Ou des jours de Cadmus le deplorable cours» etc.

⁴ В рукописи пропущено слово «chanter», имеющееся в тексте, приведенном Готшедом.

⁵ Пропущен член «le».

⁶ В тексте Готшеда: l'autre, á ma voix, souspiroit, qu' Amour, sçauroit.

⁷ Филипп Аржелати (1685—1755), итальянский ученый, издатель классиков. По мнению Готшеда этот перевод довольно близок к подлиннику, но

E di Cadmo i casi rei;
 Ma dal mio voler discorda
 Della cetera ogni corda:
 Et l'ascolto a tutte l'ore
 Solo dir cose d'amore
 Poca fa cetra cambiai,
 Che di nouvo ¹ corde armai;
 E a narrare il cor s'accese
 Del grand' Ercole l'imprese.
 «Má contraria á me rispose
 Voci tenere e amorose.
 Dunque gite in pace o Eroil
 Che ingombrate i miei pensieri;
 Io non posso dir di voi
 L'alte gesta e i nomi alteri;
 Se la Cetra á toutte ² l'ore
 Sol risponde amore, amore.

Л. 615 оборот

I'll sing of Heroes and of Kings,
 In mighty Numbers, mighty Things
 Begin my Muse; but lo! the strings
 To my great song rebellious prove;
 The strings will sound of nought but Love.
 I broke them all and put on new;
 Tis this or nothing, sure, will do,
 These, sure, said I, will me obey
 These, sure, Heroic Notes will play
 Straight I began with thundring Jove
 And all immortal Pow'rs, but Love,»
 «Lowe ⁴ smil'd, and from m'enfeebled Lyre
 Came gentle Aires such as inspire
 Melting Love soft Desire.
 Farewell then Heroes, farewell Kings,
 And mighty Numbers mighty Thing ⁴
 Love tunes my Heart, just to my Strings.

7.
 The same
 english'd by
 Cowley.³

Лист 615.

8. Deutsch.⁵

Ich will zwar die Atriden
 Ich will den Cadmus preisen:

переводчик напрасно заменил ямб хореем, удлинил оду до 18 строк и ввел высокопарные слова, противоречащие простоте подлинника.

¹ Ошибка Ломоносова: в тексте Готшета «пцово».

² Ошибка Ломоносова: у Готшета «tutte».

³ Абрагам Коули, английский поэт (1618—1667). В 1656 г. он выпустил том своих сочинений, в который вошли и его вольные переводы из Анакреона. Готшед негодует на отдаленность этого перевода от подлинника и на то, что в последней строке перевода искажена мысль Анакреона.

⁴ Описки Ломоносова: «Love», «Things».

⁵ Готшед считает свой перевод образцовым, так как в нем сохранен размер подлинника и простота его языка.

Doch meiner Leÿer Seyten
 Ertönen nur von Liebe.
 Ich wechselte noch neulich
 Die Seyten samt der Leÿer
 Und sang Alcidents Thaten:
 Doch meine Leÿer spielte
 Von nichts als lauter Liebe.
 Drum gute Nacht ihr Helden!
 Denn meine Leÿer tönet
 Doch nur von lauter Liebe».

Следующие листы тетради (614—608) заполнены рукописью «Пробирерной науки» и, вероятно, вложены в тетрадь позже, так как на обороте листа 607 мы вновь находим перевод оды «К лире». Ода переведена на русский язык ямбическим стихом.

(л. 607 оборот)

jamби ческия.

9.

«Хвалить хочю Атрідъ
 Хочю о Кадмѣ пѣть:
 А Гуслей тонъ моихъ
 Звенить одну любовь.
 Стянуль на новый ладъ
 Недавно струны всѣ,
 Запѣлъ Алцидовъ трудъ;
 Но лѣры звонъ моей
 Поеть одну любовь.
 Прощайте жъ нынѣ, вожди!
 Понеже лѣры тонъ
 Звенить одну любовь».

На этом литературные записи в тетради Виноградова кончаются. Следующие страницы заполнены сведениями о солях и кислотах.

Подбор выписок из статей Готшеда и пометки против них на полях: *Lingva*, *Rithmu*, *pèdes*, ясно указывают на то, что писавший интересовался определенными вопросами стихотворства, а именно — языком, рифмами и размером. Продолжением этой работы было изучение статьи Готшеда «*Versuch einer Uebersetzung Anacreons in reinlose Verse*», а результатом работы по изучению проблем стихосложения явился — ямбический перевод оды «К лире» на русский язык.

Готшед, критически разобрав переводы оды «К лире», преподавал в своей статье правила перевода древних поэтов.

Эти правила в основном сводятся к следующему: переводчик связан близко придерживаться оригинала, но он не должен насиловать свой родной язык. Ему надлежит находить литературные

формы, подобные формам оригинала, но естественные и присущие языку перевода. В переводе необходимо соблюдать размер и число стихов подлинника особенно потому, что древние поэты пели свои стихи и учитывали звучание каждого слога. Древних авторов следует переводить белыми стихами не только потому, что греки и римляне не употребляли рифм, но и потому, что поговя за рифмами вносит в перевод лишние строки, лишние слова, лишние образы и тем искажает смысл подлинника.

Студент, оставивший свои литературные записи в тетради Виноградова, видимо, изучил правила Готшеда. В его русском переводе оды «К лире» сохранены трехстопный ямб, число строк и простота языка подлинника. Советуя употреблять формы, присущие языку перевода, Готшед ставит коренное немецкое слово «Helden» вместо слова «Герои», привнесенного в немецкий язык извне. Ломоносов, в свою очередь, прибегает к коренному русскому слову «вожди», вместо «герои». Однако, и здесь сохраняя свою творческую самостоятельность, Ломоносов заменил женские окончания стихов подлинника и перевода Готшеда твердыми мужскими окончаниями, как бы подтверждая свое согласие с мнением Готшеда о преимуществах мужских рифм, похожих на «стрелы и удары грома».

Я считаю возможным предположить, что этот стихотворный опыт был сделан в Марбурге в 1738 г., ближе ко второй половине этого года.

В октябре 1738 г. Ломоносов послал в Академию образцы своих познаний в 4 языках, а именно: рапорт о своих занятиях — по-немецки, отчетную работу по физике (*specimina physicum*) — по-латыни, список оды Фенелона 1681 г. на французском языке и русский перевод этой оды, написанный четырехстопным хоресом.¹

В то же время он отослал в Академию счет на купленные в Марбурге книги.² В этом счете мы находим такие издания: «*Aventures de Telemaque*», откуда Ломоносов списал французский текст оды Фенелона.³

«*Les poésils d'Anacreon et de Sapho*, Amst., 1716» в переводах г-жи Дасье, с которых с похвалой отозвался Готшед в статье «*Versuch einer Uebersetzung Anacreons*» (см. выше).

«*Günthers Gedichte*», 1735.

«*Hübner poetisches Handbuch*, Halle, 1734» — руководство к писанию немецких стихов, на которое Готшед не раз ссылается в своем труде «*Versuch einer critischen Dichtkunst*» (напр. на стр. 423 издания 1742 г.)

¹ Примечания М. И. Сухомлинова к I тому соч. Ломоносова, изд. 1891, стр. 4.

² А. Куник. Сборник матерьялов по истории Ак. Наук. 1865, стр. 131—132. Счет Ломоносова от 15 X 1738 г.

³ Примечания М. И. Сухомлинова к I тому соч. Ломоносова, изд. 1891, стр. 7.

«Veneroni, Italienische Grammatica, 1699», к которой приложены около 40 стихотворных отрывков Ариосто и Петрарки, а также Тассо, Гварини и Марино, упомянутых Готшедом в качестве авторов пасторалей в его «Dichtkunst» (по изд. 1742, стр. 487). Не ради ли этого стихотворного приложения купил Ломоносов старую итальянскую грамматику?

Все эти данные свидетельствуют о том, что в 1738 г. Ломоносов серьезно изучал поэзию на французском, немецком и итальянском языках и что сам он в это время производил опыты стихотворных переводов (ода Фенелона).

Изучение статьи Готшета о переводах Анакреона на 5 языков и самостоятельный перевод оды «К лире» на русский язык ямбическим стихом — все это могло иметь прямую связь с литературными занятиями Ломоносова в 1738 г.

Судить о том, был ли написан перевод оды «К лире» до или после перевода фенелоновой оды, я не берусь. По некоторым данным перевод оды Фенелона написан раньше. В французском тексте этой оды Ломоносов не раз погрешил против пунктуации и орфографии. Западные переводы оды «К лире» переписаны им с меньшим количеством ошибок и описок.

С другой стороны, почерк русского перевода оды «К лире», как мне указал Л. Б. Модзалевский, близок к очень ранним автографам Ломоносова. Действительно, в нем налицо элементы полуставного письма, которых гораздо меньше в рукописи перевода фенелоновой оды и которых почти нет в позднейших автографах Ломоносова.

Но тут возникает вопрос, не придали ли Ломоносов вполне сознательно полуставный характер своему почерку, переписывая русский перевод оды «К лире» в ряду с греческим, с немецким готическим письмом и с латинскими текстами этой оды? В Ломоносове жил художник, чуткий к национальным проявлениям стиля в разных областях. Русский перевод оды «К лире» в его рукописи отличается от западных переводов не только языком, но и характером буквенных начертаний.

Еще одно важное обстоятельство заставляет думать, что перевод оды «К лире» написан в Марбурге в 1738 г. В деле № 9 по разр. XVII Государственного архива хранятся вместе с письмом Ломоносова к Виноградову — его конспекты трудов Буало и Готшета. Французский текст озаглавлен «Traité du sublime ou du merveilleux dans le discours, traduit de grec de Longin par Nicolas Boileau Dépreaux» (л. 2—7 в деле № 9). Немецкий текст (л. 8—14) имеет заголовок: «Gottscheds ausführliche Redekunst. Allgemeiner Theil. Historische Einleitung von Ursprungen und Wachstume der Beredsamkeit». ¹

¹ Конспект «Gottscheds ausführliche Redekunst» опубликован М. М. Сухомлиновым в «Примечаниях» к III тому соч. Ломоносова, изд. Академии Наук, 1891, стр. 33—40.

Надпись на обложке дела № 9 гласит, что эти документы (письмо и конспекты) извлечены из бумаг Виноградова.

Листки с конспектами в деле № 9 такого же формата, как листки с выписками из Готшеда в тетради «Пробирерная наука», поля их также отчеркнуты вертикальной чертой, на полях выписок из Буало находится пометка «Eloqua», сходная с пометками «Lingva» и «Rithmu» на полях выписок в тетради «Пробирерная наука». Метод конспектирования — тот же и там и здесь. Мы уже видели, что Ломоносов заменил длинное рассуждение Праша о мужских и женских рифмах лаконичной фразой: «Die männliche Reime sind Pfeile und Donnerschläge». Конспектируя «Gottscheds ausführliche Redekunst», Ломоносов употребил тот же прием. Параграф второй в книге Готшеда начинается так:¹

«Dergestalt ist nun zwar die Sprache des Menschen der Grund aller Beredsamkeit: doch ist sie an sich selbst noch die Beredsamkeit nicht. Es verhält sich damit fast wie mit dem Gehen und Tanzen oder Laufen. Ein jeder Tänzer oder Läufer muss zuvor gehen können: aber nicht alle die da gehen, können geschickt tanzen oder mit sonderbarer Behendigkeit laufen. Es wäre in dieser Absicht gut, dass man auch die Wörter sprechen und reden im gemeinen Gebrauche so unterscheiden möchte. . . » etc.

Это многословное рассуждение Ломоносов свел в своем конспекте к одной фразе: «Das Reden gleicht dem Gehen und die Beredsamkeit dem Tanzen» (д. 9, разр. XVII, Г. А. л. 8), т. е. «Разговорная речь уподобляется ходьбе, а красноречие — танцу».

Можно с уверенностью сказать, что конспекты трудов Буало и Готшеда, находящиеся в деле № 9, принадлежали когда-то к той же тетради, что и листки с переводами оды «К лире», и были написаны приблизительно в одно время.

Ломоносов начал заниматься французским языком в мае 1737 г.² В конце 1738 г. студенты были принуждены отказаться от уроков французского языка из-за неимения денег. В январе 1739 г. Вольф сообщил Корффу о занятиях студентов: «Im Frantzösischen aber werden sie wohl wenig gethan haben weil der Sprachmeister ohne Zahlung sie nicht informieren wollen und sie auch selbst das Geld zu spaaren es unterlassen.»³

Можно предположить, что Ломоносов, недавно познакомившийся с французским языком, конспектировал Буало в то время, когда

¹ «Хотя речь человека является основой красноречия, но она все же еще не есть красноречие. Она относится к красноречию, как ходьба к танцу или к бегу. Каждый танцор или бегун, конечно, умеет ходить, но не все, кто умеет ходить, могут ловко танцевать или особенно проворно бегать. Было бы хорошо делать различие в этом смысле между словами — „говорить“ и „произносить речь“. . . »

² А. Куник. Сборник матерьялов по истории Ак. Наук. 1865, стр. 112. Общий рапорт студентов от июня 1737 г.

³ Там же, стр. 133. Письмо Вольфа к Корффу от 13 I 1739 г. «Но во французском языке они успели мало, потому что учитель не желал учить их без платы, да они и сами отпустили его, чтобы сберечь деньги».

занимался с французским учителем, т. е. не позже второй половины 1738 г. В Фрейберге студенты уже не вели систематических занятий гуманитарными науками.¹

В конце 1739 г. Ломоносов послал в Академию из Фрейберга «Оду на взятие Хотина» и «Письмо о правилах российского стихотворства». Этим работам предшествовал ряд стихотворных опытов, на которые он сам ссылается в «Письме». Когда Ломоносов производил эти опыты? Осенью 1739 г. Генкель нагрузил студентов занятиями по металлургии и требовал от них большого прилежания. В это же время Ломоносов помогал академику Юнкеру в его работах по соляному делу.² В это же время он писал оду на взятие Хотина (это событие произошло 19 августа 1739 г.), состоящую из 28 строф в ямбических стихах, которые он сам считал «трудноватыми». Тогда же он сочинил письмо о «Правилах российского стихотворства». Следует предположить, что свои стихотворные опыты, послужившие основой для «Письма», Ломоносов делал не в это наполненное трудами время, а раньше — в Марбурге, в конце 1738 или в начале 1739 г.

В литературной работе Ломоносова была строгая система. Сначала он ознакомился с теориями стихотворства на западных языках, потом совершал опыты применения созданной им на основе изучения западного материала теории русского стиха путем перевода, а затем перешел к самостоятельным стихотворным опытам на русском языке.

Период работы над переводами относится к осени 1738 г., и в это время, на мой взгляд, был сделан перевод оды «К лире».

Штелин в своих «Материалах для словаря русских писателей» говорит:

«Около того же времени г. Ломоносов прислал из Марбурга несколько од тогдашнему президенту барону Корфу, оды эти были написаны совсем другим, новым размером по образцу немецкого, который до того времени не был известен в России. Ему в Германии понравились стихотворения Гюветера, из которых он знал наизусть целые пьесы. По ним писал он свои русские стихи с немецким размером в ямбах, трохеях и дактилях».³

А. Куник утверждает, что Штелин ошибался, упоминая о нескольких одах, присланных из Марбурга.

«Штелин воображал, что ода на взятие Хотина прислана из Марбурга. . .» — говорит А. Куник.⁴

Однако находка оды «К лире» вновь ставит вопрос, ошибался ли в данном случае Штелин?

¹ Там же, стр. 141. Письмо Корфа к Генкелю от 20 III 1739 г.

² Там же, стр. 337. Записка Ломоносова об его участии в трудах Юнкера в 1739 и 1741 гг.

³ Цитирую по А. Куник, «Сборн. мат. по ист. Ак. Наук», 1865, стр. 388—389.

⁴ Там же, стр. 388.

В конце 1738 г. Академия послала марбургским студентам строгий выговор и требовала от них доказательств их успехов в науках.¹ Вряд ли Ломоносов стал бы таить от Корфа образцы своих упражнений в 7 языках и русский, ямбический перевод оды «К лире». В январе 1739 г. Ломоносов послал в Академию счет своих расходов.² В апреле того же года Вольф готовился отправить в Академию отчетные работы студентов.³ Подробное содержание этих посылок нам неизвестно. Не был ли к одной из них приложен перевод оды «К лире»?

Мы знаем, что, получив перевод фенелоновой оды, Корф не придал ему никакого значения и сдал его в архив.⁴ Коротенький перевод оды Анакреона мог вовсе не привлечь внимания президента. Рукопись могла затеряться.

В «Примечаниях» к I тому сочинений М. В. Ломоносова (1891) Сухомлинов указывает, что в переводе фенелоновой оды, сделанном Ломоносовым в 1738 г., сказалось влияние «Способа к сложению российских стихов» В. Тредиаковского.

«В размере стиха, в чередовании рифм, в так называемых „пятистических вольностях“ и т. п. замечается некоторое сходство с правилами и примерами нового Способа» — говорит М. И. Сухомлинов.⁵ Он отмечает также, что В. Тредиаковский поместил в своем «Способе» в виде образца оду Фенелона «La sagesse humaine ou le portrait d'un honnête homme» и что Ломоносов избрал для своего перевода также оду Фенелона, а не какое-либо иное произведение.⁶

Далее, отмечая большое различие между переводом оды Фенелона (1738 г.) и одой «На взятие Хотина» (1739 г.), Сухомлинов цитирует по этому поводу слова А. Куника:

«Какие успехи должен был сделать Ломоносов в течение года, чтоб создать оду, отличающуюся высшим благородством и чистотой языка, поэтическим полетом и выдержанным употреблением приличного размера».⁷

Сухомлинов отмечает также сходство между одой Ломоносова на взятие Хотина и одой Гюнтера «Eugen ist fort. . . Ihr Musen nach!»

«Сравнение этих двух произведений показывает, что Ломоносов заимствовал у Гюнтера внешнюю форму стиха: то же преобладание четырехстопного ямба, то же чередование рифм, то же число строк в строфе, встречается также несколько общих приемов, как,

¹ А. Куник. Сборник матерьялов по истории Ак. Наук. 1865, стр. 128—129. Приказ президента Академии от октября 1738 г.

² Там же, стр. 134. Счет Ломоносова от 10 I 1739 г.

³ Там же, стр. 139. Письмо Вольфа к Корфу от 4 IV 1739 г.

⁴ Там же, стр. XXIV. Об отношениях Ломоносова к Тредьяковскому.

⁵ Собрание соч. М. В. Ломоносова, т. I, 1891 г. Примечания, стр. 12.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Там же, стр. 99.

например, обращение к неприятелю с угрозами и глумлением; за описанием сражений следует картина мира...» и т. д.¹

Иными словами, между двумя одами Ломоносова лежат целый период творческой работы. Если в переводе Фенеловой оды он в какой-то мере следовал правилам Тредиаковского, то в оде на взятие Хотина он учел опыт немецкой поэзии.

Я полагаю, что именно в этот период Ломоносов изучал Готшеда. Он увлекался поэзией Гюнтера, но и эта поэзия была им воспринята в связи с критической оценкой Готшеда.

«Письмо о правилах российского стихотворства» явилось итогом работы этого периода. Ломоносов, убежденный сторонник экспериментального метода в науке, каждое теоретическое утверждение выводил из точно проверенного опыта. В «Письме» он говорит: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что Российский наш язык не токмо бодростью и героическим звоном Греческому, Латинскому и Немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе кунию природную и свойственную версификацию иметь может». К этому утверждению Ломоносов пришел, несомненно, путем ряда сравнений поэтических образцов на разных языках с русскими образцами. Опыт такого сравнения мог послужить список переводов оды «К лире» на западные языки с добавленным к нему русским переводом.

Русский перевод оды «К лире» наиболее близок к немецкому переводу Готшеда и, тем самым, к греческому подлиннику и к латинскому переводу Эльгарда Лубина и действительно не уступает им «бодростью и героическим звоном».

Интересно отметить, что в переложении III оды Анакреона (Ночною темнотою), напечатанном в «Риторике» 1748 г., Ломоносов далеко отступил от правил перевода древних авторов, преданных Готшедом. В статье Готшеда «Versuch einer Übersetzung Anacreons» дан немецкий перевод этой оды, в дополнении к этой статье (Beiträge, Bd. II, S. 364) напечатан латинский перевод этой оды Эльгарда Лубина. Оба эти перевода очень близки к греческому подлиннику. Ломоносов же заменил четырехстопный хорей подлинника — трехстопным ямбом, ввел чередование женских и мужских рифм вместо женских окончаний стихов подлинника и удлинил число строк стихотворения до 48 против 32 строк оригинала.

У Готшеда первые 7 строк перевода звучат так:

«Als der grosse Bär am Himmel
Sich bey später Nacht in Norden
Vor Bootens Händen schwunge,
Und die Welt von Sorgen müde,
Schlafend auf dem Lager ruhte:

¹ Собрание соч. М. В. Ломоносова, т. I, 1891 г. Примечания, стр. 55.

Hört ich Amorn an die Thüre
Des verschlossnen Hauses klopfen».¹

У Ломоносова взамен этих строк:

«Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон. . .»

Но встречаются у него и строки, близкие переводу Готшеда. Например, у Готшеда:

«Das bewegte mich zum Mitleid:
Drum ergriff ich meine *Leuchte*
That ihm auf und sah den Knaben. . .»

У Ломоносова:

«Тогда мне жалко стало,
Я *свечку*² засветил,
Немедливши ни мало
К себе его пустил».

Позже Ломоносов еще раз перевел оду «К лире», включив ее в свой «Разговор с Анакреоном», напечатанный лишь после его смерти, в 1771 г.

«Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил,
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят».

На этот раз Ломоносов перевел оду «К лире» рифмованными стихами, отступив от правил Готшеда, употребил чередование мужских и женских рифм и ввел пиррихий. Готшед, вероятно, упрекнул бы поэта в том, что он, гоняясь за рифмой, в первой же строке заговорил о Трое, тогда как надлежало бы говорить об Атридах.

¹ Beiträge, Bd. II, 161.

² Курсив мой. Е. Д.

Поздний перевод оды «К лире» свидетельствует о зрелом мастерстве Ломоносова, но в его раннем, студенческом опыте, несомненно, больше «бодрости и героического звона».

2. О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ „ПИСЬМА О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА“

Литературные источники «Риторики» Ломоносова, напечатанной в 1748 г., известны. М. И. Сухомлинов приводит многочисленные цитаты из трудов Готшеда, Коссэна и Помея, послужившие материалом для ряда параграфов «Риторики» Ломоносова.

Что же касается до «Письма о правилах российского стихотворства», то это «Письмо» рассматривалось, до сих пор, лишь в связи с «Новым и Кратким Способом к сложению российских стихов» В. Тредиаковского, как возражение Ломоносова против системы стихосложения, выдвинутой Тредиаковским. Материалы, использованные Ломоносовым при написании «Письма», оставались невыясненными. Между тем, Ломоносов, опровергая Тредиаковского, стоял на определенных теоретических позициях, и освещение этих позиций не лишено интереса для исследователя.

Основными материалами, которые использовал Ломоносов в «Письме», являются: «Versuch einer critischen Dichtkunst für die Deutschen» Готшеда,¹ статья «Praschens gründliche Anzeige von Verbesserung der deutschen Poesie»² его же и «Hübners poetisches Handbuch».³

Первое положение «Письма» гласит:

«Российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно из других языков не вносить».

Готшед утверждал, что немецкие поэты должны следовать естественным и природным свойствам немецкого языка. Он занимал боевую позицию по отношению к писателям, навязывавшим немецкой поэзии латинские и греческие правила. Критикуя перевод одной из песен Лукана, сделанный Зекендорфом, Готшед говорит об этом переводе:

«Sein ganzes Ausdruck gezwungen, undeutsch,⁴ übelklingend und verstümmelt ist».⁵

¹ Первое издание «Versuch einer critischen Dichtkunst für die Deutschen» вышло в 1730 г.

² Статья Готшеда напечатана в «Beyträge», Bd. II, 1733; Иоганн Людвиг Праш (1637—1690) — писатель, языковед и профессор права. Его книга «Gründliche Anzeige von Furtrefflichkeit und Verbesserung Teuscher Poesie, samt einer poetischen Zugabe» вышла в 1680 г. в Регенсбурге.

³ Hübners poetisches Handbuch, Halle, 1734 — значится в счете книг, купленных Ломоносовым в Марбурге (А. Куник. Сборник мат. по ист. Ак. Наук, 1865, стр. 131). Готшед не раз ссылается в своих статьях на руководство Гюбнера.

⁴ Курсив мой. Е. Д.

⁵ «Его выражения звучат принужденно, не по-немецки, неверно и искалеченно» (Beyträge, Bd. II, S. 157, «Versuch einer Übersetzung des Anacreons»).

«Wir müssen aber unsere Dichtkunst in ihre eigene Landesart kleiden und sie nicht nach dem griechischen oder lateinischen Gehör zwingen»,¹ — говорит он в другом месте.

Подобные высказывания проходят красной нитью через сочинения Готшеда.

Второе положение «Письма» Ломоносова состоит в следующем: «Второе, чем российский язык изобилец, и что в нем к Версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит».

Праш (в изложении Готшеда) сравнивает богатство немецкой речи со скудостью других языков и предостерегает поэтов от следования ошибочной практике каких бы то ни было авторитетов.

«Im Deutschen darf man nicht wie bey jenen geschehen muss, auf die sogenannte Position. . . noch auch andere gar beschwerlich im Gedächtniss zu behaltende Regeln noch auf die *auetoritatem* oder *den sonst üblichen Gebrauch der berühmtesten Poeten sehen. . .*»²

Таким образом, используя немецкий материал, Ломоносов, однако, прежде всего останавливался на тех элементах западной науки, которые давали ему опору при построении своей собственной, русской национальной литературной культуры, которые оправдывали самоутверждение этой культуры.

Далее в «Письме» Ломоносова мы читаем:

«Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается; того ради, чтобы ничего неудобного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

«На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила:

«Первое: в Российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила; а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает».

Первое правило Ломоносова близко к первому правилу губнорова «Руководства к писанию немецких стихов».

«XLV. Die erste Regel ist diese: Durch die Scansion muss der Deutschen Prosodie keine Gewalt geschehen.

«XLVI. Also müssen langen Sylben nicht kurtz und kurtze Sylben nicht lang gebrauchet werden».³

О необходимости сохранять в стихах естественное произношение Готшед говорит по поводу древних поэтов:

¹ «Мы должны придавать нашей поэзии родной облик, а не насиловать ее звучание на греческий и латинский лад» (Beiträge, Bd. II, S. 381. «Schottels ausführliche Arbeit von der deutschen Hauptsprache»).

² «В немецком языке не так, как в других языках, . . . нам не приходится оглядываться на так называемое Position, ни на другие трудно запоминаемые правила, ни на авторитеты или на ошибочную практику знаменитых поэтов. . .» (Beiträge, Bd. II, S. 140).

³ «XLV. Первое правило — таково: при скандировании нельзя нарушать естественное немецкое произношение.

«XLVI. Так что долгие слоги нельзя употреблять вместо кратких, а краткие вместо долгих» (Hübners poetisches Handbuch, 1742, S. 35).

«Ihre vornehmste prosodische Regel war eben so wie bey uns diese: ein Poet richte sich in der Scansion nach der gemeinen Aussprache.¹

«Und wenn sie ihre Versen lasen, so geschah es nach der prosodischen Scansion».²

Ломоносов категорически опровергает утверждение В. Треднаковского, что в русском языке все односложные слова долги.

«Кто будет протягивать односложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения, и наречия, стоя при других словах свою силу теряют. Например: за сто лет, под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? . . .

«По моему мнению наши односложные слова, иные всегда долги, как б о г, х р а м, с в я т: иные кратки, например союзы: же, да, и; а иные иногда кратки иногда долги, например: на море, по году, на волю, по горе».

Готшед ставит в особую заслугу Прашу, что он возражал против дурного обычая поэтов произвольно акцентировать односложные слова и ввел в немецкую поэзию новое, разумное правило:

«Prasch behauptet, dass etliche einsylbige Wörter ihrer Natur nach lang, etliche kurz, etliche frey (incipites) wären, dass ferner wiederum etliche nur zufälliger Weise lang oder kurz wären, nach dem sie an einem Orte stünden oder mit andern vereinigt würden. . .»

«Nach Praschens Meynung sind vollkommen und beständig lang von einsylbigen Wörtern:

«Die Nennwörter die ein Wesen oder dessen Eigenschaft anzeigen, als Mann, Baum, Blut. . .» (у Ломоносова: храм, свят).

«Die eigenen Namenswörter (besser Namen), als Mars, Styx, und vornehmlich der Name Gott»³ (у Ломоносова — бог).

Треднаковский утверждал, что русский тонический стих состоит только из двусложных стоп, «а трисложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе. . .) принять никак не может». Ломоносов возражает на это в своем «Письме».

«Второе правило: во всех Российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы определенным числом и порядком учрежденные употреблять. Оные

¹ «Их основное правило было то же, что и у нас, а именно: поэт должен был следовать при скандировании обычному произношению» (Gottsched. Dichtkunst, 1742, S. 385).

² «И когда они читали свои стихи, то скандировали их согласно естественному произношению. . .» (там же, S. 383).

³ Gottsched. Praschens gründl. Anzeige (Beiträge, Bd. II, S. 144—145). «Праш утверждает, что иные односложные слова по их природе долги, иные — кратки, иные — свободны и что далее иные бывают долгими или краткими, в зависимости от того, на каком месте и при каких словах они стоят. . .»

«По мнению Праша следующие односложные слова всегда бывают долгими:

1) наименования, обозначающие предмет или его свойства, например муж, дуб, кровь;

2) собственные имена, например Марс, Стикс и особенно — имя бог».

каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так, что в наши стихи без всякия нужды двосложные и троесложные стопы внести, и в том Грекам, Римлянам, Немцам и другим народам в Версификации правильно поступающим последовать можем».

Готшед указывал на многообразие «долгих и кратких речений» в немецком языке, позволяющее применять в стихах все стопы, свойственные латинской и греческой поэзии, и протестовал против каких-либо ограничений в этой области.

«So halte ich es für nöthig zu zeigen, dass es uns Deutschen auch an andern Arten der Füsse nicht fehle, die bey den Alten mit so vielem Vortheile gebrauchet worden. . . Und da unsere Sprache durch die Länge und Kürze ihrer Sylben, geschickt ist, sich der Lieblichkeit der gelehrten Sprachen, durch diese so mannigfaltige Harmonie mehr und mehr zu nähern: so sehe ich nicht warum wir unseren Dichtern in der bisher gewöhnlichen Versarten ein Ziel zu stecken und ihnen nicht vielmehr ein, Plus ultra zuruffen sollten».¹

Далее Ломоносов отрицает возможность следования французским образцам в русской поэзии.

«Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит примером быть не могут: понеже надеясь на свою Фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Детро на здачу Намура сочинил:

«Quelle docte et sainte yvresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse» etc.

Однако нежные те господа на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют».

Рассуждение о французской поэзии мы находим у Готшета в главе «Vom Wohlklange der poetischen Schreibart».²

¹ Gottsched. Dichtkunst, 1742, 390.

«Я считаю необходимым указать, что у нас, немцев, нет недостатка и в других родах стоп, которые употреблялись древними с таким большим успехом. . . И так как наш язык благодаря долготе и краткости его слогов способен своей многообразной гармонией приблизиться к благозвучию древних языков, я не вижу, почему бы нам ограничивать наших поэтов только обычными родами стихов, а не призывать их к большему разнообразию. . .»

² Gottsched. Dichtkunst, 1742, S. 381—382.

«Французские поэты, пренебрегая этим благозвучием, не делают ни одну строку похожей на другую. Служит ли это к чести французской нации,

«Die französischen Poeten keine einzige Strophe im Absehen auf diesen Wohlklang der anderen gleich machen. Ob nun dieses der französischen Nation, die sich auf eine gewisse feine Zärtlichkeit ihrer Empfindungen soviel zugute thut, zu Ehren gereicht, dass lasse ich unparteyischer Kenner beurtheilen.

«Bey dem allen wollen die guten Franzosen es nicht begreifen, dass ihre Sprache lange und kurze Sylben habe. Auch Rollin in seinem so berühmten Werke... gesteht zwar Italienern und Spaniern zu, dass sie Verse ohne Reime machen könnten... aber seinen Franzosen, meynt er, sey es nicht möglich Verse ohne Reime zu dulden; weil sie lauter gleich lange Sylben in ihrer Sprache hätten, und keine Accente im Reden hören liessen. Ich glaube man kann halb taub seyn, und doch den ehrlichen Rollin aus dem blossen Gehöre widerlegen. Z. E. Die erste Zeile aus des Boileau Ode auf die Eroberung Namurs:

— — — —
Quelle docte et sainte yvressel

wird von allen Franzosen als eine trochäische Zeile von vier Füßen ausgesprochen, ebenso wie die erste Zeile aus Canitzens Ode auf seine Doris:

Soll ich meine Doris missen?»

Исходя из положения о многообразии размеров, свойственных русскому стиху, Ломоносов предлагает шесть родов стиха: четыре чистых — ямб, анапест, хорей и дактиль и два смешанных: ямбо-анапестический и хорео-дактилический. Каждый из этих размеров может быть использован в гекзаметрах, пентаметрах, тетраметрах, триметрах и диметрах. Таким образом Ломоносов устанавливает для русской поэзии тридцать родов стиха.

которая хвалится утонченной нежностью своих чувствований, об этом я представляю судить беспристрастным знатокам.

«Добрые французы не хотят понять, что в их языке есть долгие и краткие слоги. И Роллэн в своем знаменитом труде признает, что итальянцы и испанцы могут писать белые стихи... но во французском языке, по его мнению, стихи без рифм нетерпимы, потому что в нем почти все слоги долги и речь не имеет ударений. Мне думается — можно быть полуглухим и все-таки опровергнуть почтенного Роллэна просто по-слуху. Например первая строка оды Буало на взятие Намюра:

— — — —
Quelle docte et sainte yvressel

произнесится французами как четырехстопная хорейческая строка, точно так, как первая строка оды Каница о Дорис:

Soll ich meine Doris missen?»

Готшед, говоря о французских поэтах, употребляет выражение «eine gewisse feine Zärtlichkeit ihrer Empfindungen»; Ломоносов называет французов «нежные те господа». «Die Eroberung Namurs», пишет Готшед по-немецки; «Намур» (а не Намюр) пишет Ломоносов. Цитата из оды Буало приведена у Ломоносова в том же контексте, что и у Готшеда.

Тредиаковский считал хорей основным размером русской поэзии, но допускал, что хорей может свободно переходить в пиррихий, в спондей и даже в ямба.

В противоположность Тредиаковскому Ломоносов требовал чистоты стихового размера, он называл стихи с пиррихиями «вольными» и протестовал против смешения ямбов и хореев.

«Не правильными и вольными стихами те называю, в которых вместо Ямба или Хорея, можно Пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. . .»

«Хорея вместо Ямба, и Ямба вместо Хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и того ради не обходимыя нужды, или великия скорости: понеже они совсем друг другу противны».

В этом Ломоносов базировал свое суждение на основе требований немецкой поэтики, связанных с особенностями немецкого языка. Для русского же языка требование чистых размеров (двухсложных), как показала дальнейшая работа именно самого Ломоносова, оказалось невыполнимым.

Праш считал чистоту стихотворного размера одним из главных достоинств немецкой поэзии и презирал поэтов, сочетающих ямбы с хорейми.

«Dieses alles wird an unsern Deutschen Poeten, die gut heissen sollen, nicht gelitten, und macht vielmehr diese unvermischte Reimlichkeit des Reimmasses unsere Poesie viel poetischer als die andern und so zu sagen zur unzweifelichen Kayserin derselben».¹

«. . . Nicht bloss die Stümpler, sondern auch die Heerführer unserer Poesie, lassen hin und wieder Trochäen für Jamben passiren».² — говорит он с негодованием.

Далее Ломоносов переходит к вопросу о цезуре.

Тредиаковский считал цезуру необходимым элементом правильного стиха и отвел ей место в тринадцатисложном стихе на седьмом слоге, в одиннадцатисложном — на пятом. Ломоносов полагает вопрос о цезуре на волю стихотворца.

«Что до Цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов, употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем Гексаметре для одного только отдыха быть не отменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитывать не может».

Интересно сравнить этот отрывок с рассуждением Готшпеда о цезуре:

¹ Gottsched. Präsens gründl. Anzeige (Beiträge, Bd. II, S. 143). «Все это не может быть терпимо у наших немецких поэтов, которые желают быть хорошими поэтами. Несмешанная чистота стихового размера делает немецкую поэзию более поэтической, и она является несомненной царицей среди поэзий других народов».

² Allgemeine deutsche Biographie, Bd. 26, 508, 1889. «... Не только пачуны, но и вояжи нашей поэзии нередко подменяют ямбы хорейми».

«Dieses ist gleichsam ein kleiner Ruheplatz, wo man in der Aussprache ein wenig stille halten und, wenn es nöthig seyn, sollte, neuen Atem schöpfen kann. Die Alten haben zu diesem ihrem Abschnitte in Versen keine gewisse Stelle bestimmt, indem sie z. E. in Hexametern bald in dem andern, bald in dem dritten, bald im vierten Fusse den Abschnitt machen. . . Im Virgil und Ovid findet man eben das, obwohl es nicht zu leugnen ist, dass die mittlere Art viel gemeiner ist als die andern. Im Horaz aber, wenn er gleich in Hexametern schreibt, wird man dieses Stück des Wohlklangs sehr selten finden. . .»¹

Далее Ломоносов дает характеристики трех предложенных им стихотворных размеров. В первую очередь он говорит о стихах, «которые из Анапестов и Хореев состоят». Эта фраза вызывала недоумение исследователей.² Здесь налицо несомненная описка Ломоносова: вместо «Хореев» надо читать «Ямбов».³ Я приведу отрывок из «Письма» и соответствующую ему цитату из Готшеда в доказательство того, что в данном случае Ломоносов подразумевал ямбо-анапестические стихи.

«За наилучшие, велелешнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие, оные стихи почитаю, которые из Анапестов и Хореев состоят».

Эта характеристика совпадает с характеристикой анапестов, данной Готшедом, причем Готшед возражает против сочетаний анапестов с дактилическими стихами.

«Eben daher sind auch in den gemeinen poetischen Anweisungen diese anapästischen Verse mit zu den dactylischen geschlagen worden. . .»

«Allein da ihre Scansion ganz anders klingt und *vielmehr Bewegung*, ja eine recht heftige, plötzliche *Gemüthsart* ausdrückt, die dem dactylischen Wohlklange ganz entgegen steht, so thut man viel besser, dass man sie ganz besonders lässt».⁴

¹ Gottsched. Dichtkunst по изд. 1742, S. 407—408.

«Цезура — это маленькая остановка, которую делают при чтении, если это необходимо для того, чтобы набрать дыхание. Древние не отводили этому пресечению стиха определенного места и делали его то на второй, то на третьей, то на четвертой стопе...»

«У Virgilia и Ovidia мы находим то же самое, хотя нельзя не признать, что цезура в середине стиха наиболее обычна; у Горация, однако, мы очень редко находим этот элемент благозвучия...»

² См. С. Бонди, «Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков» (вступительная статья к «Стихотворениям Тредиаковского», Библиотека поэта, 1935, стр. 106).

³ «Письмо» было опубликовано лишь после смерти Ломоносова в 1778 г., из-за чего описка осталась им неисправленной.

⁴ Gottsched. Dichtkunst, 1742, S. 389—390.

«В обычных поэтических сочинениях анапестические стихи нередко сочетаются с дактилическими. . . Однако, так как они звучат совершенно по-иному и выражают разные действия и даже сильные, внезапные пристрастия (настроения), что противоречит звучанию дактилических стихов, то лучше было бы употреблять их отдельно».

Приняв характеристику анапестов, данную Готшедом, Ломоносов не мог не принять его возражений против сочетания анапестов и дактилей. Сочетая хорей с дактилями, как родственные размеры, он, конечно, не мог думать о сочетании хоресов с анапестами. Он подразумевал в данном случае сочетание ямбов и анапестов.

Далее он характеризует ямб.

«Чистые ямбические стихи, хотя и трудновато сочинять: однако, поднимаясь тихо в верьх материи благородство, великоление и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей пынешней и учил».

Это было открытым выпадом против стихотворной системы Тредиаковского, утверждавшего, что «тот (стих) весьма худ, который весь Иамбы составляют или большая часть оных». И в этом выступлении Ломоносов учел опыт немецкой поэзии. У Гюбнера мы читаем:

«VI. Die jambischen Verse steigen demnach gleichsam in die Höhe». ¹

У Готшеда:

«In den Alten kann man unzählliche Verse finden, darinn alle sechs Füsse rein jambisch laufen, und davon sind sie nur desto fließender geworden».

«Man ist also im Deutschen vor Alters fast bey den jambischen Versen allein geblieben, weil dieselbe unserer Sprache am natürlichen sind». ²

Далее Ломоносов характеризует стихи, состоящие из хореев и дактилей.

«Очень также способны и падающие, или из Хореев и Дактилей составленные, стихи к изображению крепких и слабых Аффектов, скорых и тихих действий, быть видятся».

Готшед говорит о дактилях:

«Sie klingen an sich selbst sehr lustig und springend und sind daher zur Abwechslung in Cantaten oder andern musicalischen Stücken sehr bequem, zumal wenn man gewisse *heftige Affecten* auszudrücken hat». ³

У Гюбнера мы читаем.

«VII. Die Trochäischen fallen gleichsam herunter.

¹ Hübners Poetisches Handbuch, 1742, S. 24.

«Ямбы поднимаются в высоту».

² Gottsched. Beyträge, Bd. II, S. 217, и Dichtkunst, 1742, S. 385.

«У древних поэтов можно найти бесчисленные стихи, в которых все шесть стои — чистые ямбы, и от этого они кажутся только более текучими».

«В немецком языке с древних времен употребляются почти одни ямбы, так как они наиболее естественны для нашего языка».

³ Там же, стр. 387.

«Они звучат сами по себе очень весело и поэтому их хорошо употреблять для разнообразия в кантатах и в других музыкальных пьесах, особенно если нужно выразить определенные крепкие аффекты».

«VIII. Die Dactylischen laufen gleichsam zu Sprunge und sind zur Musik sehr bequem». ¹

Тредиаковский отвергал мужские рифмы. Введение их в русскую поэзию нарушило бы его систему стихосложения и было бы «древнему нашему, но весьма основательному употреблению так противно, как огонь воде, а ябеда — правде».

Создавая свою теорию стихотворства, Ломоносов не мог обойтись без мужских и дактилических рифм. Он настаивал на их употреблении:

«Третье: Российские стихи красно и свойственно на мужские, женские, и три литеры гласные в себе имеющие рифмы, подобные Италианским, могут кончиться».

Гюбнер дает такое определение рифм:

«XXXVI. Die Männlichen Reime bestehen aus einer einzigen Sylbe».

«XXXVII. Die Weiblichen Reime hingegen bestehen allemahl aus zwey Sylben».

«XXXVIII. Man kan zwar auch dreysylbichte Reime machen, aber sie klingen sehr tändelhafftig». ²

Далее Ломоносов говорит:

«Хотя до сего времени только одни женские Рифмы в Российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающиеся, заказаны; однако сей заказ толь праведен, и нашей Версификации так свойственен и природен, как, ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. ³ Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуда пришед в Москву парочито вкоренилось. Не основательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим Польским Рифмам, которые не могут иными быть как только женскими. . .»

Готшед отмечает, что итальянцы предпочитают женские рифмы и что поляки им в этом подражают:

«Es scheint, dass sich die Pohlen nach ihnen (Italienern) hauptsächlich gerichtet haben müssen, weil die poetische Übersetzung der

¹ Hübners poetisches Handbuch, 1742, S. 24.

«VII. Хореи падают постепенно вниз.

«VIII. Дактили бегут подпрыгивая и употребляются для музыкальных пьес».

² Hübners poetisches Handbuch, 1742, S. 14.

«XXXVI. Мужские рифмы состоят из одного слога.

«XXXVII. Женские рифмы состоят всегда из двух слогов.

«XXXVIII. Можно так же употреблять трисложные рифмы, но они звучат смехотворно».

³ Готшед прибегает к такому же образу, сравнивая спондеи с ямбом и с хореем: «Der Spondäus. . . geht also auf eine recht gravitatische ernsthafte Art einher, ohne wie die Jamben oder Trochäen auf einem Beine zu hinken» (Dichtkunst, 1742, S. 390). «Спондеи. . . идут важной серьезной походкой, не так, как ямбы или хорей ковыляющие на одной ноге».

Argenis bey ihnen gleichfalls keinen einzigen männlichen Reim hat». ¹

Ломоносов резко выступает на защиту мужских рифм:

«В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится: то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть, и только одними женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские Рифмы толь смешны и подлы были, что бы их только в Комическом и Сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было?»

Эта высокая оценка мужских рифм совпадает с оценкой, данной Прашем и изложенной Готшедом в статье «Praschens gründliche Anzeige von Verbesserung der deutschen Poesie», которую Ломоносов конспектировал, живя в Марбурге:

«Die männlichen Reime sind an sich selbst vollkommener und richtiger als die weiblichen; und da in der deutschen Sprache die Bequemlichkeit und Menge der einsylbigten sonderlich der Stammwörter darzu kommt, daran dieselbe so ungemein reich ist, so gehen denn auch durch eine nothwendige Wirkung die männlichen Reime ein wie Pfeile und Donnerschläge». ²

Третьяковский решительно запрещал чередование мужских и женских рифм в русских стихах, считая его смехотворным и противоестественным. Ломоносов не менее решительно настаивал на том, чтобы это чередование было принято в русской поэзии.

«Четвертое: Российские стихи также кстати красно, и свойственно сочетоваться могут, как и Немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные Рифмы иметь можем; то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собой перемешивать пристойно велит; что я почти во всех моих стихах чинил».

Готшед говорит по поводу чередования мужских и женских рифм: «Es sind aber bey uns Deutschen, sowohl als bey den Franzosen zweyerley Reime im Schwange, nämlich die einsylbigten oder männlichen und die zweysylbigten weiblichen. Diese vermischen wir mit einander aul vielerley Art. . . Und eine solche Abwechselung erweckt wiederum eine Art der Belustigung für die Ohren». ³

¹ Gottsched. Dichtkunst, 1742, S. 405.

«Очевидно, поляки последуют главным образом итальянцам, потому что в стихотворном переводе „Аргенис“ на польском языке, нельзя найти ни одной мужской рифмы».

² Beytrage, Bd. II, S. 140. «Мужские рифмы сами по себе совершеннее и правильнее, чем женские, и так как в немецком языке существует множество односложных коренных слов, которыми наш язык так богат, то благодаря необходимости действуют в наших стихах мужские рифмы как стрелы и удары грома».

³ Gottsched. Dichtkunst, 1742, S. 404.

«У нас — немцев, так же, как и у французов, применяются двойные рифмы, а именно: односложные или мужские и двусложные — женские. Мы перемешиваем эти рифмы между собой на равные лады. . . и от такой перемены возникает особое услаждение слуха».

Праш также считал, что чередование мужских и женских рифм является высоким достоинством немецкой поэзии:

«Der dritte Preis kommt der deutschen Poesie von dem Unterschiede und der lieblichen Abwechslung der männlichen und weiblichen Verse, die andern Völker, den Italienern z. B. unbekannt ist».¹

Таким образом, создавая первый очерк теории русского стиха, Ломоносов изучил данные западной науки в применении к тому языку, который он считал ритмически близким к русскому. При этом, перенося указания немецкой науки на русскую почву, он относился к ним самостоятельно, применяя их к условиям русской литературной речи. Множество положений Готшета он отбрасывал совсем, другие перестраивал; те же, которые могли пойти в дело при организации языка и стиха русской поэзии, он принимал не как ученик, а как мастер, умеющий ценить своих предшественников и использовать их работу.

РУССКИЙ ПЕСЕННИК СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В. Чернышев

Русские рукописные песенники иногда заключают в себе весьма ценные материалы, но они в малой степени до сих пор подвергались исследованию.

В настоящей работе сообщаются данные об одном таком песеннике, хранящемся в Литературном музее им. А. М. Горького в Москве.

Этот песенник написан на 142 листах, позднейшей нумерации. По более ранней нумерации рукопись с 9 листа (на 8 недостающих листах находилось заглавие и часть оглавления песен до песни «Зловредный мой пыне случай», № 81). Последняя песня, л. 142 об. новой нумерации, без номера, предыдущий № 160. Высший номер оглавления 153. № 154 в рукописи нет. Песни под № 155—161 в конце песенника и №№ 161—166 в его начале вписаны, очевидно, после составления оглавления.

Первая песня, на л. 5 новой нумерации (13 старой) означена № 161, затем следуют №№ 162—166 и 1 и следующие с листа 10, откуда счет песен идет правильно (если не считать дублетов) до 160.

В первоначальном виде рукопись, очевидно, имела в своем начале несколько свободных страниц, оставленных для оглавления. После составления его на свободные страницы вписывались новые песни, когда песенник был написан до конца.

¹ Gottsched. Präsens gründliche Anzeige (Beiträge, Bd. II, S. 139).

«Третье преимущество немецкой поэзии состоит в приятном чередовании и перемене мужских и женских стихов, что неизвестно другим народам, например итальянцам».